Downloaded from UvA-DARE, the institutional repository of the University of Amsterdam (UvA)
http://dare.uva.nl/document/107638

File ID	107638
Filename	Chapter 4: 4.1-4.7 Otraženie prostranstvennoj konceptual'noj sistemy v pamjatnikach pis'mennosti XIV-XVII vekov

SOURCE (OR PART OF THE FOLLOWING SOURCE):

Type	Dissertation
Title	КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ : АНАЛИЗ ЛОКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИНАМИЧЕСКИХ И СТАТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЯХ В ДИАХРОНИИ И СИНХРОНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ
Author	A. V. Podgaevskaja
Faculty	Faculty of Humanities
Year	
Pages	361
ISBN	978 90 6143 325 5

FULL BIBLIOGRAPHIC DETAILS:
http://dare.uva.nl/record/273983

Copyright

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use.

UvA-DARE is a service provided by the library of the University of Amsterdam (http://dare.uva.nl)

4 ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XIV – XVII ВЕКОВ

4.1 Языковая ситуация в XIV – XVII веках

Приступая к диахронному анализу пространственной концептуальной системы русского языка, отметим сразу, что мы опираемся на источники, относящиеся к так называемому московскому периоду XIV – XVII веков, представляющему собой не только целостный завершенный этап исторического развития, но и довольно стабильный период в языковом отношении.

1 Весь XIV век проходит под знаком консолидации политических сил, объединения отдельных земель Северо-Восточной Руси и выдвижения Москвы как политического, экономического, культурного и духовного центра нового Московского государства. (См. подробно об этом Вернадский (1997: 239-339); Ключевский (2000: 434-469); Костомаров (2006: 90-136)). Как правильно отмечал Ларин (1975: 226):

> Если Киевское государство […] послужило основой для образования единой русской народности и упрочения общих черт всех восточнославянских языков, то Московское государство […] создало основу для русского национального языка.

Конец XVII века маркирует завершение данной эпохи (см. об этом Панченко (2000: 13-55, 355-368); Костомаров (2006: 580-767)). Начинается период грандиозных преобразований, связанных с именем Петра I, который не только привнес серьезные изменения в социальную и духовную жизнь русского народа, но и резко изменил культурную ориентацию России, теперь не на Юго-Восток Европы, как в предшествующий период, а на Запад.

2 В языковом отношении XIV – XVII века представляли собой период сосуществования двух языков (диглоссии), при котором языком литератур-

ных и религиозных текстов признавался единственно церковнославянский, в то время как русский обслуживал сферы деловой и бытовой письменности (Виноградов 1949: 17-27; Успенский 1994: 70-86). Однако на протяжении четырех столетий в обоих языках протекали процессы, которые, стимулируя их собственное развитие, усложняли взаимоотношения между ними.

▪ В древнерусском языке в это время наблюдаются серьезные структурные и системные изменения, охватывающие как звуковую сторону, так и грамматический строй (подробнее об этом см. Успенский (2002: 286 и далее)). Эти изменения не в последнюю очередь были связаны с включением в пределы Москвовского государства новых диалектов, как северных окающих, так и южных акающих, что приводило к изменению диалектной базы древнерусского языка:[1]

> Колыбелью великорусской народности была Владимиро-Суздальская область, ростово-суздальский диалект – начальным истоком русского языка. Вскоре главным объединяющим центром становится Москва, говор которой входил в состав ростово-суздальского диалекта и подвергался уже с XIV века, в результате активной переселенческой политики, влиянию различных как южных, так и северных диалектов. Это неизбежно вело к формированию московского койне, легшего в основу русского языка. (Ларин 1975: 221)

▪ На протяжении XIV – XV веков происходит перестройка отношений между письменным литературным, церковнославянским, языком и живым, разговорным русским языком, чье внутреннее развитие нарушило к XIV веку "баланс между местной нормой и тем инвариантом церковнославянского языка, сохранение которого позволяло славянам воспринимать этот язык как разновидность своего родного языка" (Бобрик 1990: 64). В это время возникает стремление русских книжников обновить свою письменность, очистить литературный церковнославянский язык от всего того, что могло бы рассматриваться как порча. Моделью, на которую ориентировались русские книжники, являлись южнославянские рукописи, созданные в общеславянских центрах книжности (на Афоне и в Константинополе) и переписанные там же русскими писцами. Таким образом, в конце XIV –

начале XV века церковнославянский язык русского извода переживает так называемое второе южнославянское влияние. И если до этого имело место активное взаимодействие двух языков, при котором книжный язык испытывал непосредственное влияние со стороны живого языка, то теперь идет сознательное отталкивание от живой речи. Если раньше русский книжник, когда ему не доставало слова для выражения определенного понятия, мог его легко позаимствовать из разговорного языка, автоматически преобразуя его в соответствии с формальными критериями письменного языка, то в период второго южнославянского влияния он не может черпать слова из разговорного языка для адекватного выражения своей мысли.

Второе южнославянское влияние оказало заметное воздействие не только на словообразовательные и синтаксические процессы, не только на орфографию, но даже и на палеографию.[2]

▪ Во второй половине XVII века достаточно стабильное соотношение русского и церковнославянского языков (диглоссия) начинает распадаться. С одной стороны, церковнославянский язык подпадает под сильное юго-западнорусское влияние,[3] которое отчетливо было заметно в системе школьного образования (терминология, манера чтения, произношение), в литературе (распространение виршей, стихотворных текстов с признаками рифмы и равносложности силлабических стихов), в русской скорописи (Успенский 2000: 420-425), в справе церковных книг при патриархе Никоне и после него (в процессе сличения и перевода религиозных текстов справщики исходили не столько из греческих образцов, сколько из юго-западнорусских печатных изданий).[4]

С другой стороны, в контексте религиозного воспитания масс и под влиянием «простой» или «руской мовы» (литературного языка Юго-Западной Руси) возникает гибридный язык, представлявший собой смесь общеупотребительного церковнославянского и русского и воспринимавшийся авторами как «простой, природный язык», понятный адресату, а значит, противопоставленный «витийствующему» церковнославянскому. Этот гибридный язык Аввакум называл «вяканьем»:

> Литературное просторечие XVII в. («вяканье») не подчиняется принятым в «славенском диалекте» нормам. Оно нередко характеризуется свободным проявлением фонетических особенностей живой, иногда областной речи […] ее морфологии […] и синтаксиса… Степень обнаружения устной «стихии» речи и ее характер зависели, с одной стороны, от темы, ситуации речи, а с другой – от принадлежности пишущего лица к той или иной социальной группе. (Виноградов 1949: 35-36)

Создавая тексты на «простом» русском языке, авторы не следовали какой-либо традиции:

> Отсюда определяется диффузность, размытость этого языка, отсутствие границ, которые бы его четко определяли… Отсюда объясняется динамичность «простого» языка, его потенция к изменению, не ограниченная никакой традицией. […] Все это определяет его постепенное сближение с живой разговорной речью, с которой он может и отождествляться в языковом сознании. (Успенский 2000: 493-494)

▪ Развитие в XVI веке грамматического подхода к языку постепенно меняет отношение к церковнославянскому и русскому языкам, культивирует изощренное знание правил грамматики, риторики и философии, доступных только для ограниченной группы книжников. Их язык становится признаком учености и начинает применяться в ситуациях, в которых используются другие «ученые» языки – греческий и латынь (Живов 1996: 44). Лудольф в своей «Грамматике» отмечал, что русские не могут писать или рассуждать по научным вопросам, не прибегая к услугам церковнославянского (Ларин 2002: 602). Понятно, что такому языку надо было специально обучать.[5]

Грамматический подход к языку изменил и статус русского языка, который постепенно становится объектом изучения и фиксации. XVII век отмечен созданием словарей и разговорников, написанных иностранцами и предназначенных для иностранцев, стремящихся овладеть именно русским языком, пусть и в его разговорной форме. В Словаре-разговорнике Тённиса Фенне 1607 г. или в Русско-английском словаре-дневнике Ричарда Джеймса 1618-1619 гг. мы находим не только списки слов и словосочетаний, короткие диалоги самого различного бытового содержания, но и первые попыт-

ки рефлексии над грамматическими явлениями именно русского языка.

В 1696 г. появляется и первая научная грамматика, написанная Г.В. Лудольфом:

> Он первый противопоставил русский язык старославянскому, как язык вполне годный, зрелый и более потребный для литературно-книжного употребления, тогда как ни один из его предшественников не оказался способен признать самостоятельность русского языка, но еще важнее то, что Лудольф без ошибки провел это разграничение через всю грамматику. (Ларин 2002: 526)

Виноградов, отмечая положительные аспекты грамматики Лудольфа, писал, что в грамматике Лудольфа довольно рельефно выступала в своих морфологических, лексических и фразеологических особенностях система бытового просторечия как будущая структурная основа «природного», национально-литературного языка (Виноградов 1949: 44).

Грамматический подход к книжному языку был питательной почвой для переосмысления всех аспектов книжной деятельности. Как считает Живов (1996: 51), если раньше уровни владения книжным языком представляли собой континуум, то теперь ученой элите противопоставлялась вся остальная читающая и пишущая публика. Эта дифференциация давала возможность создавать тексты для разного адресата, всякий раз выбирая определенную разновидность книжного языка.

- Стремление быть доступным читателю на фоне распространения гибридного языка при забвении многих церковнославянских форм и слов приводило к тому, что с середины XVII века появляются первые попытки перевода церковнославянских цитаций и словосочетаний на русский язык. Это было совершенно не мыслимо ранее, в ситуации диглоссии.[6] Переставая находиться в отношениях дополнительного распределения, русский и церковнославянский начинают восприниматься как два отдельных языка, оправдывая тем самым возможность самого перевода или комментирования.

- Развитие в XVII веке светской литературы и появление новых жанров (светских повестей, виршей, переводных романов) вели к тому, что старые

тексты начинают переосмысляться по новым моделям. Так, летописи, например, рассматриваются теперь как простое изложение исторических событий (Живов 1996: 62). Поэтому становится оправданным и использование «простого», гибридного языка.

В этот же период углубляется разрыв между употреблением и значением церковнославянского языка, который начинает применяться к таким предметам и темам, которые в предшествующей литературной традиции нашли бы выражение либо в формах делового языка, либо в формах просторечия (Виноградов 1949: 28). Оказывается, что о предметах вовсе не сакральных можно изъясняться на языке священных текстов. Эта тенденция отразилась в различных пародиях на церковные обряды, службу, религиозные тексты, например, в «Службе кабаку», известной в России с середины XVII века (Адрианова-Перетц 1977).

Таким образом, благодаря различным внутренним и внешним факторам, повлиявшим на языковую ситуацию второй половины XVII века, была подготовлена почва для серьезных преобразований XVIII века в языковой сфере (о чем речь подробно шла в 3.1).

4.2 Принципы отбора и организации материала

К сожалению, свидетельства о когнитивных представлениях носителей языка прошедших эпох нам в основном приходится черпать из письменных источников с их неотъемлемой рефлексией и стремлением к унификации. При отборе материала мы исходили из критериев, удачно сформулированных И.А. Малышевой (1998: 123):

> От того, насколько полно будут представлены разные виды и типы памятников, какие территории они будут охватывать, каковы будут хронологические рамки анализируемого материала, зависит в конечном итоге достоверность лингвистических выводов. Принципы отбора материала должны определяться теми задачами, которые ставит исследователь, и особенностями самих источников.

Таким образом, в основу отбора и организации материала были положены следующие принципы:

1 Принцип *единства языка источников*. Анализируя когнитивные представления о пространстве носителей русского языка и русской ментальности, мы обращаемся к письменным документам, где эти представления нашли свое отражение наилучшим образом. Поэтому логичным оказывается выбор источников бытового характера, созданных именно на русском, а не на церковнославянском языке.

Из выше сказанного вытекает, что такие письменные памятники, как канонические и литургические тексты (евангелие, псалтырь и другие), проповедническая и агиографическая литература (слово, житие), апокрифические и исторические произведения (хронографы), тексты юридического содержания, переведенные с греческого, а также некоторые произведения оригинальной книжно-славянской культуры исключаются из нашего анализа, поскольку они изначально создавались на церковнославянском языке и не отражали (живого) русского языка.

Переводные литературные произведения также не рассматриваются, поскольку при переводе всегда создается опасность влияния языка оригинала на переводчика (см. об этом Пичхадзе (1996)).

Тем более бесценными оказываются для нас материалы, которые представляют собой непосредственную передачу живой речи. Специфика подобных источников, однако, в том, что они носят, как правило, поздний характер, относятся к XVI – XVII веку. Однако привлечение их к анализу необходимо.

2 Принцип *жанрового единства* и *общности типов документов* и *характера происхождения*. При анализе пространственной концептуальной системы, представленной в памятниках старинной письменности, мы обратились к пластам, не просто связанным с русской языковой стихией, а отражающим повседневную жизнь и содержащим по этой причине значительное количество локальных концептов в релевантных для нас контекстах. Сюда относятся:

- деловые и бытовые документы (разделы 4.3 – 4.7);
- летописи (разделы 4.8 – 4.12);

- словари-разговорники, фиксирующие разговорную речь (раздел 4.13).

О характере происхождения источников см. далее подробно в 4.3.3 и 4.8.2.

3 Принцип *территориального единства*. Источники должны быть созданы в исконно русских областях, в областях так называемого первичного расселения. По этой причине за рамками анализа остаются документы киевского, смоленского, а также более позднего сибирского и южнорусского происхождения.[7] Наиболее богато письменными источниками представлены Ростово-Суздальская Русь, Новгородская и Псковская земли.

4 Принцип *хронологического единства*. Все документы должны относиться к XIV – XVII векам, к так называемому Московскому периоду, довольно хорошо представленному в источниках.

Если от XIV века сохранилось еще малое количество значительных по объему письменных свидетельств и литературно обработанных памятников в оригинале (здесь речь не идет о надписях-граффити на стенах церквей и отрывочных фрагментах берестяных грамот), то к XVI веку количество таких документов и списков возрастает в геометрической прогрессии, а с XVII века в арсенал ученого поступает, кроме того, и вся хозяйственно-бытовая переписка, а также первые фиксации разговорной речи, сделанные иностранцами и собранные в их разговорниках и грамматиках. Все это дает исследователю прекрасную возможность для анализа конкретного материала и обоснования своих выводов.

5 Принцип *преемственности*. Источники должны отражать некоторую письменную традицию на протяжении нескольких веков, т.е. тексты должны относится к одной географической области, но к разным периодам. Это дает возможность проследить эволюцию в представлениях о пространстве и локальных объектах.

4.3 Деловая и бытовая письменность

В основу нашего анализа легли памятники документальной письменности, созданные в исконно русских областях в период времени с XIV по XVII век включительно. Наиболее богато письменными свидетельствами представлена Ростово-Суздальская Русь, первый до нас дошедший документ которой датируется 1327 г. (Духовная Ивана Калиты).

Ранние берестяные грамоты и грамотки новгородского происхождения относятся уже к XI веку, однако к концу XV века их поток практически иссякает. Как считает Зализняк (2004: 13), материал XVI – XVIII веков отражает уже общемосковскую норму: следы новгородских особенностей отыскиваются здесь с большим трудом.

Псковский же материал представлен всего несколькими оригинальными грамотами (Зализняк 2004: 14), что, к сожалению, не дает исследователю возможности проследить преемственность и эволюцию в представлениях о пространстве и локальных объектах.

В связи с выше сказанным мы в первую очередь подробно остановимся на анализе ростово-суздальских источников, а затем в той мере, в какой это возможно, на новгородском материале.

4.3.1 Русский язык в деловой и бытовой письменности

Как известно, практически вся актовая, деловая и бытовая письменность в Московской Руси XIV – XVII веков создавалась на языке русской народности (см. Котков 1991; Успенский 2002: 92 и далее). Однако церковнославянский язык не был совершенно исключен. В большинстве грамот использовались церковнославянский зачин, минимальные устойчивые выражения-штампы (Котков 1980: 70; Успенский 1994: 53), встречались, наряду с упрочившимися в русском языке, окказиональные церковнославянизмы (Успенский 2002: 106-107; Улуханов 2002: 144-146). На церковнославянском языке были созданы и важнейшие актовые документы того времени: «Закон Судный людем», Градской закон в «Мериле Праведном», преамбула Уложения 1649 г., вступительная часть Уставной грамоты о мытях царя Алексея Михайловича.

В становлении русского делового языка можно выделить две тенденции. С одной стороны, деловой язык, являясь письменным языком, должен был быть стабильным, гарантом чего, при отсутствии кодификации, могли являться образцы различных типов юридических документов. Такие образцы, освященные традицией, авторитетом составителя и местом составления, действительно существовали, и им пытались подражать при создании серьезных и важных документов:

> Огромная масса деловых бумаг, составляемая вседневно и повсюду по неукоснительным образцам, превращалась в самостоятельный фактор нормализации… Так довольно жестко регламентированное, нормированное изложение деловых бумаг в юридически-делопроизводственном плане существенным образом предопределяло узуальное нормирование языка. По мере формирования в их составе определенных лексико-фразеологических и синтаксических постоянств эти образцовые в юридическом и делопроизводственном отношении тексты приобретали значение образцовых и с точки зрения языка… (Котков 1991: 126)

Образцовые юридические документы и послания к разным государственным лицам объединялись в образцовые книги, а трафаретные послания, из которых изымались зачастую все конкретные, местные и датирующие черты, – в формулярники и письмовники.[8] Однако преувеличивать их роль в стандартизации делового языка не стоит, поскольку таких письмовников было крайне мало (за XV – XVI века известно всего лишь три), набор образцовых документов был узок (в сборник входило не более шести-восьми образцов), а круг предлагаемых тем был достаточно ограничен (Демин 1964).

Первые настоящие пособия по канцелярскому письму, составленные в основном по-великорусски, стали появляться с середины XVII века в азбуках и азбуках-прописях, что повышало социолингвистический статус народного языка (Мечковская 1992: 24).

Гораздо большее влияние на процесс стандартизации оказали грамоты центральных приказов, которые служили для периферийных писцов своеобразной моделью для подражания. Отписки воевод и другие ответы Москве начинались обычно старательным копированием предписаний из столицы (Котков 1991: 133), и только в свободном от московского образца

изложении локальных событий проявлялась местная выучка писцов (Коткова 1987: 132).

С другой стороны, именно практическое отсутствие кодифицирующего момента (еще не были созданы грамматики русского языка) и опора на традиционную практику вели к тому, что деловой язык с самого начала был подвержен влияниям живого языкового развития и динамике изменений. Это проявлялось в наличии некоторого набора вариантных средств, касающихся формулировок, правовой и экономической терминологии, а также прочих языковых элементов.

Русский деловой язык не был мертвым письменным языком, как церковнославянский. Однако было бы неправильным утверждать, что язык деловой письменности представлял собой разговорный язык Московской Руси. Для этого он был достаточно консервативен, включал в себя слова, грамматические формы и конструкции, возможно, не употреблявшиеся в разговорной среде или явно устаревшие (Алексеев 1987: 41; Успенский 2002: 104-106; Ремнева 2003: 36, 39), но он был, безусловно, открыт влиянию живого узуса, что и нашло свое отражение на текстовой ткани конкретных документов.

Ценнейшим материалом, отражающим тенденции народно-разговорного языка, в большей мере свободного от трафаретности, и представлений о мире, является частная переписка. К сожалению, за исключением зачастую дефектных грамоток на бересте новгородского происхождения, единичных частных писем и драгоценных памятников эпистолярного жанра XVI века,[9] носящих публичный характер, с заметным влиянием церковнославянского (письма Василия III к своей жене и переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским), подавляющее большинство реально дошедших до нас писем и грамоток датируется только XVII веком, что связано с самой природой эпистолярного жанра: не имевшие юридического значения, грамотки обыкновенно не хранились (Котков 1980: 155).

4.3.2 Структура делового документа

В отличие от иных древнерусских источников датировка и авторство грамот и других видов документальной письменности относятся к самой ткани документа. Только в грамотках частного характера при упоминании месяца и числа порой отсутствует год написания, который, однако, легко восстанавливается косвенным путем.

Любая грамота, будь то официальный документ, или частное письмо, как правило, состоит из определенных, стабильных зачина и концовки (формуляра) и самой содержательной средней части (см. подробнее о формуляре Алексеев (1987: 39); Майоров (1987: 142-144); Ремнева (2003: 260); Успенский (2002: 109)). Формуляр представляет собой консервативную часть текста грамоты, куда зачастую входили устойчивые выражения церковнославянского происхождения, однако и он менялся с течением времени. При этом трафаретность формуляра вовсе не препятствовала выражению самых разнообразных мыслей пишущего:

> Он не давил на содержание, одинаково служил общению с государственными учреждениями и сельскими приказчиками. В рамках одного и того же трафарета свободно функционировал и официальный язык, и повседневная разговорная речь. (Тарабасова 1964: 164)

Сама же нарративная (казусная) часть в большей степени была свободна от клише, поскольку в ней была сосредоточена основная, менявшаяся от грамоты к грамоте информация. Но и здесь, несмотря на кажущуюся свободу изложения дела в соответствии с желанием автора, обнаруживается ограниченное количество трафаретных мотивов обращения с просьбой, жалобой и т.д., выработанных на почве обычного права в среде площадных подьячих и дельцов (Волков 1977: 101). Даже в правых грамотах (судебных списках), фиксирующих словопрения в ходе судебного разбирательства, и в распросных речах можно встретить много единообразия в передаче речи разных лиц (Алексеев 1987: 40).

Казалось бы, для нас особый интерес должны были бы представлять грамотки, в которых разговорный элемент представлен наиболее рельефно. Однако специфика тематики данных источников такова, что релевант-

ных для нас контекстов здесь крайне мало и они, как правило, очень однообразны.

4.3.3 Характер и происхождение источников

Уже при поверхностном знакомстве с материалом деловой и бытовой письменности XIV – XVII веков, видно, что мы имеем дело с различными типами документов.

1 По характеру происхождения весь проанализированный материал можно разделить на три группы.

- В первую группу входят собственно актовые материалы – документы официально-государственного характера, которые в свое время имели юридическое значение. Сюда относятся докончания и договорные грамоты, определявшие сферы влияния русских князей, духовные и завещательные грамоты, жалованные тарханные грамоты, связанные с дарением и жалованием не только частным лицам, но и монастырям. К этой же группе можно отнести и посольские отчеты (статейные списки).

- Во вторую группу входят источники частно-правового характера: разные виды грамот (купчие, данные, жалованные, меновные, духовные, отводные, разводные, указные, разъезжие и др.), закладные и заемные кабалы, судные списки, допросы и распросные речи, челобитные и т.д.[10]

- В третью группу мы включаем документы бытовой письменности и частной переписки, характерной для всех слоев населения: грамотки, письма, памяти, которые, обслуживая сферу неофициального общения и не имея юридического значения, выпадали из приказной письменности.

2 Источники документальной письменности отличаются между собой не только по содержанию, но и по характеру составления, составителю и степени влияния разговорной стихии на текстовую ткань документа.

▪ Так, *грамоты государственного значения* и *отчеты послов* составлялись в княжеской или митрополичьей канцеляриях, а позднее в приказах, опытными дьяками, владевшими в тончайших деталях правилами приказного языка. Собственно актовые документы были облечены в особую официальную форму, далекую от разговорных влияний. Как правило, они составлялись в два приема. Сначала писец делал заготовку, а затем редактор выправлял текст заготовки, обращая внимание на юридическую суть грамоты. Все случайное, не характерное для 'нормативного' языка, изгонялось (Коткова 1987: 132-133).

Таким образом, наличие вариативного употребления предлогов В и НА при различных локумах в данного рода документах будет свидетельствовать в пользу того, что вариативность являлась частью ментальной репрезентации пространства, а не только следствием определенной степени выучки писцов.

▪ *Документы частно-правового характера* составлялись не только в Москве, но и на периферии, монастырскими писцами, площадными подьячими или крестовыми дьячками, которые были плохо знакомы с требованиями княжеской канцелярии и в уровне образованности которых приходится усомниться. Они, конечно, могли заучить определенные формулы, но последовательно передать надиктованный текст средствами нормированного делового языка – вряд ли, а это вело к тому, что в подобных документах в большей степени могла отразиться живая речь. Все исследователи, занимающиеся деловой письменностью, констатируют именно в документах частно-правового характера обилие вариантов не только в лексике, фразеологии и синтаксисе, но и в области фонетики и морфологии (Волков 1974: 93; Котков 1974: 39; Котков 1980: 73; Коткова 1987: 132; Майоров 1987: 144-145), а также проявление локальных, диалектных черт:

> В челобитных и отписках воевод или иных деловых бумагах, написанных на периферии, диалектизмы и явные просторечные элементы были более или менее обычными… (Коткова 1987: 141)

▪ Вариативность форм более ярко представлена в эпистолярном жанре, где доля индивидуального начала выше, чем в частно-правовых документах. Однако круг хозяйственных и правовых вопросов, затрагиваемых в грамотках, определяет и тот факт, что значительная доля слов и оборотов, терминологии и фразеологии, относится к языку делопроизводства и приказной документации (Котков, Панкратова 1964: 8). Как считает Тарабасова (1964: 161):

> … индивидуальное выражается здесь прежде всего в выборе и полноте использования тех или иных устойчивых, традиционных компонентов деловой письменности. Представляется, что именно во взаимодействии устойчивого и индивидуального (устойчивое в индивидуальном употреблении) осуществлялось сближение двух разновидностей языка – приказного и народно-разговорного…

3 Учитывая степень официальности документа, тематику, уровень выучки и образованности автора-составителя и степень проявления живого народно-разговорного языка, мы разделяем весь многочисленный материал на две группы и различаем:

▪ собственно *актовые документы*, грамоты официально-государственного характера, составленные по строгим правилам приказного языка того времени официальными кодификаторами в стенах княжеской или метрополичьей канцелярий;

▪ *грамоты частно-правового* и *бытового характера*, которые писались профессиональными грамотеями (подьячими и дьячками) или просто грамотными людьми и в которых заметно влияние народно-разговорной стихии.

Заметим, что выделение материалов частной переписки в особую группу считаем не оправданным по следующим причинам. Во-первых, частно-правовая письменность массового характера и хозяйственно-бытовая переписка совпадают по своей тематике (Котков и др. 1968: 5, 7). Это обуславливает, во-вторых, в них высокую долю устойчивых компонентов, присущих вообще документальной письменности, в силу особенностей содержания. В-третьих, автором грамотки (от своего имени или от имени дру-

гого лица) зачастую выступает тот же подьячий или грамотей-непрофессионал, что и в отписках, челобитных и других образцах частно-правового характера. В-четвертых, нарушение или отсутствие временной преемственности (основная часть новгородских грамоток, входящих в наш анализ, относится к XIV – XV векам, а московские источники связаны в основном с XVII веком) делает невозможным проследить динамику изменения интересующих нас явлений в этой группе документов на протяжении всего анализируемого периода.

4 Сама природа юридических документов и их содержание определяют и круг контекстов и ситуаций, значимых для нашего исследования. Набор концептов достаточно узок и связан прежде всего с населенными пунктами, жилыми постройками, земельными наделами и участками природного ландшафта.

4.3.4 Описание использованных источников

1 К анализу были привлечены около 2650 актовых и частно-правовых документов, взятых из следующих источников деловой письменности:

- *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв.* (далее ДГ).

Представляет собой собрание духовных грамот и докончаний великих и удельных князей Северо-Восточной Руси, относящихся приблизительно к периоду времени с 1339 по 1525 гг.

- *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* (далее ГВНП).

Представляет собой собрание официальных грамот отношений Великого Новгорода и Пскова с западными соседями, с московскими и тверскими князьями, епископами и монастырями, а также частных правовых документов, относящихся ко второй половине XIV – XV векам, составленных в северно-русских землях.

▪ *Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.* (далее АСВР).
Представляет собой собрание жалованных уставных, тарханных и несудимых, меновных, межевых, правых грамот великих князей и княгинь, а также правовые документы частных лиц, созданных в 90-е гг. XIV – 10-е гг. XVI века на территории Московского, Тверского и Рязанского княжеств.

▪ *Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в.* (далее РФА).
Представляет собой один из самых ранних полных и официальных по происхождению сборников митрополичьих грамот Северо-Восточной Руси, составленный в канцелярии митрополита Симона (1504-1507 гг.) и в канцелярии митрополита Даниила (1528-1530 гг.).

▪ *Памятники русской письменности XV – XVI вв. (Рязанский край)* (далее ПРПР).
Представляет собой сборник документов, как оригиналов, так и списков, связанных с рязанским краем, но зачастую писанных и правленных в Москве. По содержанию это договорные, жалованные, правые, разъезжие, судные грамоты, купчие и меновные, закладные кабалы, денежные отписи, мировые, отступные, а также выписи из писцовых и межевых книг.

▪ *Акты феодального землевладения и хозяйства*, часть II и III (далее АФЗХ 2/3).
Вторая часть включает в себя актовые материалы (духовные, жалованные тарханные и несудимые грамоты князей и русских царей, а также купчие, данные, духовные частных лиц) с 1450 г. по 1612 г., хранившиеся в архиве Иосифо-Волоколамского монастыря.

В третьей части представлены акты, относящиеся к митрополичьему и патриаршему землевладению и хозяйству, а также записная книга поместных земельных дач митрополичьим и патриаршим слугам в разных уездах с 1582 по 1622 гг.

▪ *Акты русского государства 1505-1526 гг.* (далее АРГ).
Представляет собой сборник актов, отложившихся в архиве Троице-Сергиева монастыря. По своему происхождению грамоты делятся на собственно троицкие акты, акты приписных монастырей, акты монастырей, попав-

ших впоследствии под патронат Троице-Сергиева монастыря и акты, заключенные между светскими лицами или полученные ими от верховной власти.

▪ *Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века* (далее ЗАРГ).
Представляет собой наиболее полное собрание законодательных актов Русского государства от Судебника 1550 г. до Уложения 1649 г. Сюда включены указы из указных книг различных приказов, отдельные указы, сохранившиеся в писцовых наказах, грамотах, судных делах и уставных книгах, а также приговоры соборов духовенства, касающиеся общегражданских установлений.

▪ *Памятники деловой письменности XVII века (Владимирский край)* (далее ПДПВ).
Сюда входят записи из умолотных, расходных и посевных книг деревенских старост, из расходных тетрадей кружечных дворов, приходно-расходных книг монастырей и книг записей купчих приказных изб. Включены различные челобитные ростовских, владимирских и шуйских крестьян, а также распросные и сыскные речи.

▪ *Московская деловая и бытовая письменность XVII века* (далее МДБП).
Включены тексты правового характера (челобитные, сказки, купчие, записи и т.д.), принадлежащие авторам, исходившим не только из посадских низов, но и от служилой верхушки.

▪ *Памятники права периода сословно-представительной монархии* (далее ПРП).
Объединяет документы первой половины XVII века: кабалы, докладные, данные, отпускные грамоты, житейские записи, а также указы из уставных книг Разбойного, Земского, Поместного и Ямского приказов.

2 Для анализа бытовой переписки были использованы 655 грамоток и писем, основная часть которых взята из следующих сборников:

- *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия* (далее ПРНЯ).

Включает собрание грамоток делового содержания, относящихся к середине XVII века и до 1690 г. и написанных от лица стольника А.И. Безобразова и адресованных ему.

- *Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века* (далее ИРНЯ).

Представляет собой выборку писем и грамоток, датируемых второй половиной XVII – первым десятилетием XVIII века, из частных архивов различных представителей поместного и служилого дворянства Ростово-Суздальской Руси.

- *Древне-новгородский диалект* (далее ДНГ).

Сборник под редакцией А.А. Зализняка, в котором представлен наиболее полный корпус древненовгородских грамот на бересте, куда включены заново выверенные тексты всех известных к концу 2003 г. грамот.

3 Кроме того были проанализированы статейные списки и посольские отчеты за XVI – XVII века, изданные в следующих сборниках:

- *Путешествия русских послов XVI – XVII вв.*
- *Посольская книга по связям России с Грецией 1588 – 1594 гг.*

4.4 Анализ материала: актовые грамоты

В данном разделе будут рассмотрены актовые документы, созданные прежде всего в Ростово-Суздальской Руси и связанных с великокняжеской и митрополичьей канцеляриями. Грамот государственного значения, составленных на территории Новгородской и Псковской республик, к сожалению, слишком мало, они относятся к ограниченному периоду и по своему содержанию крайне однообразны. Их объединение и полноценный анализ в отдельном разделе не представляются возможными.

4.4.1 Актовые грамоты второй половины XIV – первой трети XV века

К сожалению, за XIV и первую треть XV века до нас дошло крайне незначительное количество документов не только в оригинале, но даже и в списках копийных книг, что было во многом обусловлено опустошительными городскими и монастырскими пожарами, а также внутренней борьбой светских и церковных иерархов за сферы влияния, ведущей к тому, что делопроизводство княжеской и митрополичьей канцелярий попадало в случайные руки, расхищалось, а порой и уничтожалось. Так, известно, что Фотий, прибывший в Москву в 1410 г., ничего не нашел в казне Московского митрополита. Начиная со второй трети XV века, напротив, сохранилось огромное собрание юридических документов всех типов и видов.

В связи со всем сказанным поэтому целесообразно объединить рассматриваемый материал второй половины XIV века с источниками первой трети XV века.

1 В контейнерные категории входят локумы, для которых характерны признаки замкнутости в пространстве. Однако набор их крайне ограничен:

- [СТРОЕНИЕ] (варница):

(1) А что н(а)ши данщик(и) сберуть […] въ варѧхъ, тому ити в мою казну… (ДГ, № 11, 1389 г.)[11]

Интересно, что на три употребления с предлогом В встречается один раз НА:[12]

(2) А коли ны будеть слати своихъ данщиковъ в городъ и на вари… (ДГ, № 13, 1390 г.)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (город-кремль,[13] монастырь):

(3) … а в городѣ на Москвѣ жеребеи мои тамги… (ДГ, № 3, 1353 г.)

(4) … и они тамгу платят игумену Саве в монастыре… (АСВР, №53а, 1404 г.)

▪ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (волость,[14] уезд, (при)город, село, слобода,[15] стан(ы)[16]):

(5) А с(ы)ну моему […] въ ее волости и в села не всылати ни по што. (ДГ, № 21, 1417 г.)

(6) … а села на Москвѣ в Городскомъ оуѣздѣ… (ДГ, № 3, 1353 г.)

(7) А закладнеи ти […] въ пригородах не держати… (ДГ, № 9, 1375 г.)

(8) А кнѧгинѣ же своеи даю села […] на Волоцѣ и въ Юрьевѣ слободѣ… (ДГ, № 21, 1417 г.)

(9) А чимъ бл(аго)с(ло)вилъ дѣдъ мои […] в М(о)сквѣ и въ станѣх в Московьских… (ДГ, № 24, 1428 г.)

2 К поверхностным категориям относятся локумы, которые, с одной стороны, представляют собой достаточно малые участки освоенного человеком пространства:

▪ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (посад):

(10) … дворъ свои да сад *за городом* на посадѣ… (ДГ, № 29, 1433 г.)

Из контекстов видно, что пространство города делилось как бы на сегмент пространства в стенах кремля, т.е. внутри городской черты (идея вертикального ограничения), и на пространство за стенами кремля, которое, хотя и было ограничено, представлялось неоднородным и разрозненным (об этом у Степанов (2001: 657-659)).

С другой стороны, в тип поверхностной концептуализации входят гетерогенные объекты, включающие некий природный ориентир и территорию, окружающую и вбирающую его:

▪ [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река):

(11) … да свои примыслъ Троецскую слободку на Волзѣ… (ДГ, № 22, 1423 г.)

Причем названия гидронимов никак не влияют на концептуализацию самого локума.

3 К случаям своеобразного употребления предлогов можно отнести:

▪ *Русь*, которая употребляется исключительно с предлогом НА, хотя другие страны сохраняют В:

(12) Добра вы мнѣ хотѣти во всем, в Ордѣ и на Роус(и), без хитрости. (ДГ, № 15, 1396 г.)

▪ *торг* встречается в наших источниках с В, хотя, как малый участок пространства, для которого характерно взаимодействие с человеком, должен бы был сочетаться с предлогом НА:

(13) … а которой хрестьянин монастырской продасть в торгу или в селе… (АСВР, № 53а, 1404 г.)

▪ *мельница*, несмотря на то, что представляет собой комплексное сооружение, в найденных контекстах сочетается с предлогом В:

(14) … а дти мои в мельницю не встоупаютсѧ. (ДГ, № 17, 1401-02 г.)

По всей видимости, *мельница* в данном случае интерпретировалась носителем языка как некий пространственный объект, обладающий границами, которые нельзя переступать (глагол *вступатися*).

4 В плане колебаний в языковой репрезентации наиболее интересным является концепт >ГОРОД<, знающий огромное множество конкретных реализаций (наименований). Материал показывает, что локум *город* (без географического названия) с его городскими стенами, кремлем, валом, рвом и т.д. представлялся как огороженное пространство-вместилище. Когда же речь заходит о конкретных реализациях концепта >ГОРОД<, картина становится здесь более пестрой и на первый взгляд трудно объяснимой.

Некоторые исследователи утверждают, что традиционно предлог В сочетался с названиями городов мужского рода, а предлог НА – с названиями городов женского рода (Станишева 1966: 102). Однако при анализе конкретного материала выявляются следующие закономерности:

▪ Некоторые русские города, такие как *Владимир*, *Витебск*, *Вязьма*, *Новгород*, *Ржев*, *Ростов, Смоленск*, *Суздаль*, *Тверь*, *Торжок*, *Юрьев* и некоторые другие, сочетаются исключительно с предлогом В:

(15) … а нашимъ нѣтъ дѣл во Тфѣри. (ДГ, № 6, 1371 г.)
(16) А закладнеи ти в Новѣгородѣ въ Великом и в Торжку и въ пригородах не держати… (ДГ, № 9, 1375 г.)
(17) А пошлину имати с моих со тфѣрьских людеи […] в Смоленьскоу, в Витебскоу […] в Вѧзмѣ… (ДГ, № 23, 1427 г.)

Как видно из примеров, предлог В встречается и с городами женского рода (*Вязьма*, *Тверь*).

Интересно отметить, что у некоторых городов мы сталкиваемся с региональными колебаниями в выборе предлога. Так, *Тверь*, например, во всяком случае в конце XIV века употребляется в ростово-суздальских документах с предлогом В (пример (15)), а в новгородских – с НА:

(18) … послаше Новъгородъ Юрья и Якима къ княз[ю] к Михаилѣ на Тфѣрь… (ГВНП, № 17, 1372 г.)

Торжок демонстрирует на протяжении XIV века переход от предлога НА к предлогу В в новгородских грамотах. Ср.:

(19а) А что ти, княже, пошло на Торжьку и на Волоцѣ… (ГВНП, № 14, 1326-27 гг.)
(19б) А что ти, княже, пошло в Торжьку и на Волоцѣ… (ГВНП, № 15, 1371 г.)

Примеры (19а/б), представляя собой одинаковые контексты, взятые из грамот, сходных по своему содержанию, но написанных с разницей в пол-

века, отражают процесс закрепления предлога В при *Торжок*. Если в первой трети XIV века здесь еще вполне свободно употреблялся НА, то в последней трети того же столетия возможен только В.

▪ *Белоозеро*, *Вологда*, *Волок*, *Городец*, *Коломна*, *Кострома*, *Устюг*, *Углич* последовательно употребляются с предлогом НА:

(20) Да свои же примыслъ даю еи на Бѣлѣозерѣ слободка … (ДГ, № 21, 1417 г.)

(21) А на Устюзѣ, и на Вологдѣ, и на Костромѣ их не судѧт…(АСВР, № 7, 1397 г.)[17]

(22) А на Коломнѣ мои примыслъ Самоилецевъ починокъ з деревнѧми. (ДГ, № 12, 1389 г.)

Как видно, предлог НА употребителен не только с городами женского, но и мужского и среднего рода.

▪ Постоянные колебания в выборе предлогов отмечены только у локума *Москва*. Так, например, в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей» соотношение В и НА при *Москва* ➢ 11 : 10. Ср.:

(23а) А трет(ь) численых своих людеи в Москвѣ и в станѣх дал есмь дѣтем своим… (ДГ, № 17, 1401-1402 гг.)

(23б) А што покупила на Москвѣ и што ее примыслъ, то ее и есть. (ДГ, № 21, 1417 г.)

4.4.2 Актовые грамоты XV века

1 В актовых документах, датируемых второй третью XV века и позднее, заметно некоторое расширение набора локумов по сравнению с источниками предыдущего периода, что не в последнюю очередь объясняется большим числом и разнообразием дошедших до нас документов.

К категориям контейнерного типа можно добавить функциональные постройки (категория [СТРОЕНИЕ]) и небольшие участки пространства с

обозначенными горизонтальными границами, входящие в категорию [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (село, деревня,[18] погост,[19] починок,[20] конец[21] 'район'):

(24) А что мое жито на Белѣозерѣ в житницах и в селех… (ДГ, № 80, 1486 г.)
(25) … а придут жити на тѣ свои мѣста в тѣ села и в деревни на тѣ пустоши… (АСВР, № 34, 1436 г.)
(26) … и кто людей у них монастырских в том починке живет… (АСВР, № 236, 1450 г.)

2 Поверхностные категории объединяют два типа локумов. Одни представляют собой относительно малые участки поверхности, с которыми человек вступает в функциональный контакт:
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (селище);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (пустошь, луг);
[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица):

(27) А кого к себѣ […] на селища перезовут… (АСВР, № 34, 1436 г.)
(28) … в тог(о) мѣста мѣсто казенное на лугу против Иван(а) с(вѧ)т(о)го Б(о)гослова… (ДГ, № 86, 1499 г.)
(29) … да на Болшои ж улице за Ваганковым мѣсто… (ДГ, № 86, 1499 г.)

Другие – это комплекс различных построек с прилегающей к ним территорией, входящие в категорию [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (подворье), а также большие участки поверхности с размытыми границами, относящиеся к [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (Украина):

(30) … и стал на подворие у попа имярек… (РФА, № 62, 1451-1460 гг.)
(31) А что наши села въ Мордвѣ на Цнѣ и на Украинѣ и тѣ села вѣдати нам по записем (ДГ, № 84, 1496 г.)

3 К уже известным городам, которые употребляются с предлогом В, добавим *Брест*, *Казань*, *Переславль*, *Тула*, *Ярославль*:

(32) … а в Тулу и в Берестѝ и тобѣ […] не вступатис… (ПРПР, № 55, 1434 г.)

(33) Посылал еси в Казань ко царевичю к Мамотяку… (РФА, № 19, 1447 г.)

(34) А в Переславли даю своей княгини… (РФА, № 103, 1462 г.),

(35) Перевозы в Ярославле на Волге и на Котороси… (АСВР, № 196, 1463-78 гг.)

- С предлогом НА отмечены только *Вятка* и *Чухлома*:

(36) … в отчину господина и сына моего […] на Вятку… (РФА, № 16, 1451-52 гг.)

(37) … на Чюхломе на горотке… (АСВР, № 236, 1450 г.)

4 Локум *городок* последовательно встречается с предлогом НА, хотя и представлял собой не что иное, как крепость, т.е. огороженное пространство с вертикальной проекцией:

(38) Што их земли монастырьские на Романовѣ городкѣ или в волостех Романова городка… (АСВР, № 203, 1466 г.)

5 В грамотах XV века все чаще встречаются колебания в выборе того или иного предлога. При этом возросшее количество материала позволяет говорить о некоторых закономерностях.

В употреблении В и НА мы выделяем постоянную и спорадическую вариативность. Под **постоянной вариативностью** в дальнейшем будут пониматься такие колебания в выборе предлога, которые с достаточной регулярностью встречаются у одних и тех же локумов в различных документах на протяжении длительного периода времени. Это не значит, однако, что они должна охватывать половину всех контекстов.

Спорадическая вариативность может встретиться у любого локума, но сводится, как правило, к единичным фиксациям. Необходимо учитывать, что на выводы о наличии или отсутствии постоянной вариативности может влиять ограниченность представленного материала, его фрагмен-

тарность не только в географическом, но и в хронологическом плане.

▪ Для таких локумов, как *остров*, *погост* и *Русь*, характерна постоянная вариативность:

(39а) … да на Лисичии островѣ земли кн(я)зѧ велико(г)о тѧнут… (АСВР, № 14б, 1462-1470 гг.)
(39б) … а что в том же острове пожня владычня… (АСВР, № 291, 1490 г.)
(40) … в том же погосте деревни […] на Вожеском погосте, владычен же, живал Васка понеженин… (АСВР, № 291, 1490 г.)
(41а) … Исидор уже на Руси митрополитом. (РФА, № 13, 1452 г.)
(41б) … поставлен есть в Руси… (РФА, № 106, 1458 г.),

где соотношение В и НА при *остров* ➢ 1 : 2, при *погост* ➢ 2 : 1, а при *Русь* ➢ 3 : 3.

▪ В этой связи выделяются *лес* и *Киев*, у которых предлог НА в выявленных контекстах явно превалирует (соотношение В : НА ➢ 2 : 6):

(42) … а посадѧт на лесѣ на стари… (АСВР, № 158, 1483 г.)
(43а) … приказал есьм ему держати наместничьство свое на Киеве и *в Вилне*, и *в Новегородке*, и *в Городне*… (РФА, № 44, 1451 г.)
(43б) … в Киеве быти и вас… (РФА, № 53, 1453-1454 гг.)

Пример (43а) интересен еще и тем, что другие города в этом же контексте сохраняют предлог В.

6 Отмечаются первые случаи спорадических колебаний в употреблении предлогов В и НА, еще не характерных для документов XIV – первой трети XV века,

▪ при локуме *конец*:

(44) … да мѣсто на Востром конце за Николою за Мокрым… (ДГ, № 86, 1499 г.),

хотя более употребительным являлось сочетание *в … конце*.

- при названиях отдельных городов (*Белоозеро*, *Вятка*, *Смоленск*):

(45а) … и после тог(о) купил есми собѣ на Бѣлѣозерѣ […] село Николское з деревнѧми… (ДГ, № 80, 1486 г.)

(45б) А твоему с(ы)ну […] в Белоозеро не *въступатисѧ* ничѣм… (ДГ, № 75, 1482 г.)

(46) … и вам так же и въ Вѧтку не *въступатисѧ*… (ДГ, № 24, 1428 г.)

(47а) … как дядѧ твои великии княз(ь) Витовтъ кн(ѧ)зя Глеба на Смоленъску посадил. (ДГ, № 53, 1449 г.)

(47б) … не въступатисе ни во все твое великое княженье […] ни въ Смол(е)нескъ ни во все Смоленъские места. (ДГ, № 54, 1449 г.)

Предлог В при *Белоозеро* (45б) крайне редок: нами отмечено всего два случая, причем оба в одной и той же грамоте. По всей видимости, здесь, как и в примере (46), актуализируются представления о том, что всякий локум можно помыслить как некую огороженную в пространстве сущность, границы которой нельзя переступать (глагол *вступатися*). С подобной идеей мы уже встречались в (14).

4.4.3 Актовые грамоты XVI века

1 По сравнению с XV веком в актовых документах XVI века отмечены следующие локальные объекты, относящиеся к контейнерным категориям:
[ПОМЕЩЕНИЕ] (комната/комора, полата, сени);
[СТРОЕНИЕ] (изба, дворец);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (двор, кремль);
[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (губа, повет, усадище, выть):[22]

(48) А при нем в комнате, и в передней избе, и в сенех, и по крыльцу были его люди в чистом платье. (Посол. кн., 79)[23]

(49) … пустя в городе на посаде или в губе жити… (ЗАРГ, № 10, 1555 г.)

(50) … а в усадищах дворы помещиковы… (АФЗХ/3, № 14, 1592 г.)

2 К пространственным объектам поверхностного типа добавим:
[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (пристань);
[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (станы ‘станция’, гостиный двор):

(51) … как он приехал на пристань. (Посол. кн., 18)
(52) … а ставѧтсѧ гости с товаром […] из ихъ удѣлов на гостиных дворех… (ДГ, № 89, 1504 г.)
(53) … да на патриарши ж лошади велети давати на станех… (Посол. кн., 45)

3 Достаточно регулярно встречаются города *Астрахань*, *Каргополь*, *Рязань* и *Холмогоры*, причем для двух последних характерен предлог НА:

(54) … до и полонили да и продали его в Васторохонь, а из Асторохани в Казань… (РФА, № 98, 1502-1505 г.)
(55) … им посылати на Белоозеро и в Каргополь… (АФЗХ/2, № 385, 1589 г.)
(56) … опытав, да и на Рязань отпустили; да и жил есми, господине, на Рязани… (АСВР, № 391, 1521 г.)
(57) … и со всяким устроеньем пожаловал на Москве, и в Ярославле […] и на Колмогорах беспошлинно же… (Стат. сп., 144, 1582-1583 гг.)[24]

4 К случаям постоянной вариативности можно отнести *двор*, *монастырь* и *пустошь*, которые встречаются с обоими предлогами в одинаковых контекстах, в одних и тех же документах, составленных одним и тем же писцом:

(58) … а нам королевского сторожа убитого у вас во дворе искати […] Искали у нас на дворе сторожа Ирик да Пантелей… (Стат. сп., 20, 1567-1569 гг.)
(59) … и на манастырь и на манастырскои двор возити […] и в манастырь возити. (АФЗХ/3, № 23, 1590 г.)
(60) … а на пустоши на Олховке да на пустоши на Макарьевои сметить пашню паханую […] что в пустошах Олховки и в Макарьеве пашни паханые… (АФЗХ/3, № 143, 1597 г.)

5 Спорадическая вариативность охватывает все больший набор локумов.

▪ Так, *повет*, *выть*, *дворец*, *погреб* или *Крым* могут встретиться с предлогом НА вместо традиционного В:

(61) … поставил городы в Полоцком повете […] А город Озерище со всеми пригороды, которыя есьми поставил на Полоцком, и на Озерецком повете… (ДГ, № 104, 1572 г.)
(62) А на пустые выти игумену крестьян призывати […] а игумену в ту выть не вступатися. (АФЗХ/3, № 23, 1590 г.)
(63) А что каких медов посылано, и тому писмо на Дворец. (Посол. кн., 88)
(64) Будет на нашем погребе нет красных медов… (Посол. кн., 43)
(65) … да и побежал на Крым. (Стат. сп., 80, 1570 г.)

▪ *Подворье*, *посад*, *луг* и *селище* отмечены нами не только с традиционным для них НА, но и с В:

(66) … и на подворьях у них не ставятся. Также мои князи […] и всякие ездоки у них в подворьях не ставятся… (АСВР, № 26, 1507 г.)
(67а) … которые живут […] в городех в кремли, и на посадех… (АФЗХ/3, № 14, 1567 г.)
(67б) … которые живут на Москве […] в селех, и в деревнях […] и в посадех, и в его монастырех… (АФЗХ/3, № 37, 1599 г.)
(68) … за ту *межу* в тот луг […] не *вступатис(ь)* ничѣмъ… (АРГ, № 38, 1507-1508 гг.)
(69) … в селище Мосеикино, в селище Снопово сметити накрепко и переписати… (АФЗХ/3, № 71, 1595 г.)[25]

Употребление нетрадиционного предлога В при *посад* в (67б), как представляется, оправдано, поскольку в данном контексте снимается отраженное в (67а) противопоставление города-кремля, т.е. ограниченного крепостными стенами пространства, и посада, находящегося за крепостными стенами.

В примере (68) идея ограниченности *луга* выражена достаточно экспли-

цитно: межа – это та граница, которую нельзя переступать (глагол *вступатися*).

▪ У таких городов, как *Азов*, *Орша*, *Рыльск*, *Смоленск*, *Чернигов*, отмечена спорадическая вариативность:

(70а) Велел […] государь мой итти мне зимою […] на Рылеск, а из Рыльска в Азов… (Стат. сп., 76, 1570 г.)

(70б) И государь наш велит […] чтоб тебе итти не на Азов же. (Стат. сп., 89, 1570 г.)

(71) И в Оршу б естя о патриархе […] и мы его отпустили на Оршу… (Посол. кн., 43)

(72а) … отпустили его на Чернигов… (Посол. кн., 101)

(72б) … ехати в Чернигов… (Посол. кн., 102)

Данные примеры интересны еще и тем, что встречаются в официальных отчетах послов, составленных опытными дьяками, которых трудно было заподозрить в незнании основных языковых конвенций или в небрежности.

Таким образом, вариативность предлогов В и НА, встречаемая в похожих контекстах, в рамках одного и того же источника, составленного одним и тем же автором, свидетельствует в пользу того, что данное явление было широко распространено и носило не случайный, а регулярный характер.

4.4.4 Актовые грамоты XVII века

1 К уже описанным пространственным объектам контейнерного типа из памятников XVII века можно добавить:

[СТРОЕНИЕ] (лавка, амбар, тюрьма);

[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (переулок);

[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (Сибирь):

(73) … а в лавках, и в анбарех не сиживали, и промыслов на море и в Сибири не бывало ж… (ЗАРГ, № 157, 1627 г.)

(74) … чтоб в улицах и в переулках однолично падежного ничего нигде не было. (ЗАРГ, № 278, 1640 г.)

2 Из новых локумов поверхностного типа встречены только:
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (ярмарка);
[ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (море):

(75) … не хотя тех крестьян с хлебом на торг и на ярманку […] пропустити… (ЗАРГ, № 49, 1601 г.)

3 Все больше городов употребляются с предлогом НА (*Воронеж*, *Орел*, *Саратов*):

(76) … на Воронеже […] на Орле, во Мценску […] бояром, и околничим […] поместей в тех городех не давать… (ЗАРГ, № 239, 1637 г.)
(77) Давать подводы бояром […] в Великий Новгород, во Псков […] на Саратов… (ЗАРГ, № 187, 1628 г.)

4 В документах XVII века мы отмечаем следы переосмысления некоторых пространственных объектов. Так, *Русь* встречается уже исключительно с предлогом НА:

(78) … по чему какой товар на Руси купят; и приехав те торговые немцы на Русь… (ЗАРГ, № 157, 1627 г.)

Если *Украина*, например, с момента своего появления отмечается в источниках только с предлогом НА, то *Русь* демонстрирует постепенный переход от колебаний в употреблении предлогов В и НА в XV – XVI веках к стабильному НА в XVII столетии. Все это свидетельствует как об изменении самого локума (сравните противопоставление *Русь* – *Россия*), так и о возникновении новой интерпретации его в сознании носителя языка (переход из административного пространства в этно-геополитическое).

Ту же смену предлога мы отмечаем и у локума *торг* (пример (75)), который в документах XVII века встречается исключительно с предлогом НА (5 случаев), в отличие от предшествующих периодов, когда употреблялся только В.

5 К уже известным случаям постоянной вариативности (*лес*, *двор*, *пустошь*, *монастырь*, *погост*, *Москва*) добавим *улица* (см. пример (74)), которая в более ранних документах сочеталась прежде всего с НА. В «Законодательных актах русского государства», например, встречается только *в улице/ в улицах* (4 раза).

6 Спорадическая вариативность затрагивает локум *город*, что еще в документах XVI века было невозможно:

(79) … а будет лучитца на котором городе тем варзужским крестьянам какая гибель… (АФЗХ/3, № 57, 1619 г.)

(80) Которые дворяне, и дети боярские, и иноземцы на ево государеве службе в Понизовых городех от колмаков и которые дворяне ж, и дети боярские, и иноземцы на Украинных городех от крымских и от нагайских людей побиты… (ЗАРГ, № 299, 1644 г.)

▪ Все больше названий городов спорадически сочетается с предлогом НА, причем обоснованность подобного употребления бывает, на наш взгляд, не совсем ясна тем более, что другие города в этих же контекстах употребляется с В. Ср.:

(81) Которые воеводы по государеву указу будут на береговую службу на Тулу, на Крапивну, на Дедилов, в Переславль Рязанской, в Пронеск, на Михайлов… (ЗАРГ, № 106, 1620-21 гг.)

(82) Давать подводы бояром […] в Торопец […] в Казань, на Уфу, […] на Царицын, на Черный Яр, в Астрахань… (ЗАРГ, № 187, 1628 г.)

(83) … на Елце, на Осколе, в Курску […] бояром, и околничим […] поместей в тех городех не давать… (ЗАРГ, № 239, 1637 г.)

4.5 Анализ материала: грамоты частно-правового характера и бытовая корреспонденция Ростово-Суздальской Руси

В данном разделе будут рассмотрены источники частно-правового и бытового характера, составленные в Ростово-Суздальской Руси.[26] Анализ

документов новгородского происхождения дан в разделе 4.6.

4.5.1 Документы XV века

К сожалению, за XIV – первую треть XV века нами не обнаружено документов как частно-правового, так и бытового характера, относящихся к Ростово-Суздальской Руси. Поэтому мы обращаемся к источникам, начиная со второй трети XV века.

1 В документах частно-правового характера данного периода можно выделить локумы контейнерного типа, входящие в категорию [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (стан, уезд, волость):

(84) … дал Борису пустош(ь) Орининскую […] в Московском стану на Яузском мытище… (АСВР, № 44, 1477-1478 гг.)

(85) … купил есми оу брата своег […] его жеребеи в Коломенском оуезде в Каневьскои волости… (ПРПР, № 6, 1486 г.)

2 К поверхностным категориям относятся [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (пустошь, луг), объединяющая участки природного пространства:

(86) … на той Михайловской пустоши поставили ту деревню… (АСВР, № 100, 1459 г.),

а также [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река), включающая комплексные локумы – водные бассейны с прилегающей территорией:

(87) … село ег коломенскоѣ на рекѣ на Москве в Усть Мерске… (ПРПР, № 56, 1474-1496 гг.)

3 Концепт >ГОРОД< представлен крайне ограниченным набором конкретных реализаций. *Вятка*, *Волок* и *Коломна*, как и в актовых документах, последовательно употребляются с предлогом НА:

(88) … идучи на осподареву службу […] на Вѧтку… (АСВР, № 100, 1459 г.)

(89) … купил есмь […] на Волоце его вотчину деревню Конаеву… (АФЗХ/2, № 2, 1477-1494 гг.)

(90) А мнѣ […] досталосѧ противу братьи моеѣ жерьбьев на Коломнѣ в Усмерьску… (АСВР, № 231, 1485-1486 гг.)

4 К случаям спорадической вариативности относится только *луг*:

(91) … да пустош(ь) Ильицино в-Ывашковском лугу, да на Ивашковъском же лугу покосы… (АСВР, № 231, 1485-86 гг.)

4.5.2 Документы XVI века

1 В частно-правовых документах XVI века расширяется прежде всего набор локумов таких контейнерных категорий, как [СТРОЕНИЕ] (житница), [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (двор, монастырь) и [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (село, деревня, погост, волость, починок):

(92) … и он тот хлеб […] всыпал в крестьянскую житницу… (АФЗХ/2, № 65, 1595 г.)

(93) … да в селе ж двор манастырской во дворе поп Иван… (АФЗХ/2, № 294, 1562 г.)

(94) … или кто по нем иный игумен будет в том монастыре… (АФЗХ/2, № 84, 1520-1521 гг.)

(95) … а дворов в селех и на погосте и в деревнях 3 дворы манастырскых… (АФЗХ/2, № 294, 1562 г.)

2 В поверхностные категории входят локумы, которые представляют собой ограниченные участки поверхности, как естественно-природного, так и освоенного типа:
[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (селище, площадь);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (поляна):

(96) А что мой двор на Москве на Тверской улицы… (АФЗХ/2, № 274, 1558-59 гг.)

(97) … деревня Новая на селище на Сухининском на речке на Листани… (АСВР, № 368, 1501 г.)

(98) … внутри городе на Коломнѣ у прчстые на площади… (ПРПР, № 21, 1546 г.)

(99) … ставъ на землѣ на Онѣговой полянѣ… (ПРПР, № 62, 1529 г.)

К этому же концептуальному типу можно отнести категорию [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (мельница):

(100) Мне игумену […] на той своей мелнице […] молоти на обиход […] монастыря… (АФЗХ/3, № 40, 1599-1600 гг.)

3 Конкретных реализаций концепта >ГОРОД< по-прежнему встречается мало: *Москва* (пример (96)), *Коломна* (пример (98)) и *Кострома* последовательно употребляются с НА, а *Муром* и *Торжок* – с В:

(101) …послана грамота на Кострому к патриархову сыну боярскому… (АФЗХ/3, № 47, 1595 г.)

(102) … что ѣздять в Муром… (ПРПР, № 69, 1548 г.)

(103) Да в Торжок в монастырь к Рожеству Христову 2 рубля. (АФЗХ/2, № 332, 1568 г.)

4 В XVI веке можно уже говорить о случаях постоянной вариативности в выборе предлогов В и НА при таких локумах, которые, с одной стороны, видятся как ограниченные пространства с выраженной вертикальной проекцией (*двор*, *лес*):

(104) … а в дворѣ хором горница да повалушка […] онбаръ на дворѣ с мостом… (ПРПР, № 21, 1546 г.)

(105а) … сѣли есмѧ […] на тѣ места за великог(о) кнѧзѧ на лес на [старь]… (АСВР, № 172, 1504 г.)

(105б) И станут ис тех сел и из деревень ездити […] по драва в боярские лесы и в монастырские леса… (АФЗХ/2, № 114, 1530 г.)

С другой стороны, постоянная вариативность встречается или у комплексных сооружений (*гумно*),[27] где профилируется либо нахождение внутри границ или строений, либо нахождение на поверхности:

(106а) … а на гумне хлеба стоячего овса… (АФЗХ/3, № 87, 1596 г.)
(106б) … в гумне три копны ржи… (АФЗХ/3, № 218, 1599 г.),

или у ограниченных поверхностей, где довольно четко обозначены горизонтальные границы (*луг*, *пустошь*, *остров*):

(107а) … да в лугу в Орлове по Новинские покосы двести дватцать копен… (АФЗХ/3, № 13, 1564-65 гг.)
(107б) … сена на оселках и на лужке кошено 5 десетин… (АФЗХ/3, № 59, 1595 г.)
(108) … и в деревнях в живущих и на пустошах переписали б есте дворы помещиковы […] и в деревнях и в пустошах […] примерят пашни паханые… (АФЗХ/3, № 109, 1597 г.)
(109а) … порѧдили есмѧ Овдокима […] на лѣс на старь на Зеленои остров… (АСВР, № 172, 1504 г.)
(109б) … а вьезжая в Офремов остров… (АФЗХ/3, № 28, 1594 г.)

Употребление предлога В при *остров* в (109б) закономерно, поскольку в данном контексте профилируется идея огороженного пространства с четкими границами: *въезжати* можно только в замкнутое пространство (сингармонизм предлога В и приставки *в-*).

▪ Своеобразием частно-правового и бытового материала XVI века является *монастырь*, крайне часто встречающийся с обоими предлогами. Только в грамоте № 23 из сборника «Актов феодального землевладения и хозяйства» мы встречаем три случая параллельных контекстов, где выбор предлога колеблется. Например:

(110) … а оброку с выти дают на манастырь по чети ржи […] А оброку дают в манастырь с выти по четыре чети ржи… (АФЗХ/3, № 23, 1590 г.)

Интересно отметить, что в актовых документах *монастырь* начинает активно употребляться с обоими предлогами также, начиная с XVI века.

4 К случаям спорадической вариативности можно отнести такие пространственные объекты, как *деревня*, *починок*, *полуостров*, *дворец*:

(111) … сам сѧ есми […] остал на старои деревне… (АСВР, № 172, 1504 г.)
(112) … отпустил на починок жыти на монастырьскои… (АСВР, № 172, 1504 г.)
(113) … продал есми […] в полуостровѣ Солодком трет(ь) […] орамых земел(ь)… (АРГ, № 24, 1506-1507 гг.)
(114) … что служит на Москве на Сытном Дворце. (АФЗХ/2 , № 204, 1547-1548 гг.),

при более употребительных *в деревне*, *в починок*, *на полуострове*, *в(о) дворце*.

▪ Вариативность захватывает и некоторые названия населенных пунктов, когда один и тот же топоним в рамках одного и того же документа может употребляться с обоими предлогами:

(115) … *в селцо* на Суроломну приехал […] что они *в селце* в Суроломне своими отцы живали… (АФЗХ/3, № 33, 1597 г.)

4.5.3 Документы XVII века

1 Документы XVII века отличаются большим разнообразием пространственных объектов, что связано, безусловно, с подключением значительного пласта бытовой переписки.

Набор локумов контейнерного типа дополняется большим количеством новых случаев:

[ПОМЕЩЕНИЕ] (комната, горница, трапеза, сени, хоромы, погреб, поварня, чюлан);[28]
[СТРОЕНИЕ] (амбар, лавка, тюрьма, кузница, конюшня);
[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (слобода, станица, усадище; Крым);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (переулок, сад):

(116) … в горнице и в комнате оконницы слюденые… (МДБП, № 56, 1688 г.)
(117) … и для какова вымыслу в сѣни они ко мнѣ и в хоромошка мои ломились… (МДБП, № 138, 1696 г.)
(118) … де куплено про мнстрскои обиход в поварню горшковъ… (ПДПВ, № 87, 1697 г.)
(119) … что он проламывал окошко в трапезѣ и настилал в трапезе ж въ чюланѣ пол… (ПДПВ, № 87, 1697 г.)

(120) … что покупая на площеди в тот анбар хлѣб сыпали… (ПДПВ, № 82, 1671-1672 г.)
(121) … а сиделъ тот мои малои от меня холопа твоего в москотилном ряду в лавкѣ… (МДБП, № 87, 1674 г.)
(122) … а какъ де он сидѣл в тюрмѣ… (МДБП, № 18, 1643 г.)
(123) … и кузницом в кузницах дѣлат… (ПДПВ, № 136, 1631 г.)
(124) … приказано было ему у Ивана в конюшне… (МДБП, № 18, 1643 г.)

(125) … у нас в слободѣ… (МДБП, № 57, 1659 г.)
(126) … толка в станицѣ два человѣка нашли чужих… (ПРНЯ, № 134, 1650-1690 гг.)
(127) … розбили у меня холопа твоего […] в усадище в селце Дарках дворишко мое… (МДБП, № 97, 1675 г.)
(128) … в Крымъ отпустит же […] будучим в Крымѣ… (МДБП, № 13, 1682 г.)
(129) … и в том саду сенои покос… (ПДПВ, № 89, 1692 г.)

2 К поверхностным категориям относятся локумы, представляющие собой или участки освоенного пространства, или комплексные сооружения с прилегающей территорией:
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (ярмарка, торг, посад, пастбище);
[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (овин, завод, винокурня,[29] пивоварня):

(130) … в черкаские городы в Стародуб на ѧрмонку… (МДБП, № 69, 1669 г.)
(131) … продано из мнстря из житницъ во Владимере на торгу гороху шесть чети… (ПДПВ, № 87, 1697 г.)
(132) … ему дал в Володимере на посаде у двора своего огороднои земли под двор… (ПДПВ, № 89, 1692 г.)

(133) … а того де овса на овине посажено сотни с полтрети а у того овина гумно все снегом замело… (ПДПВ, № 85, 1687 г.)
(134) … у нас на Угоцких желѣзных заводах всѣ пруды высохли… (ПРНЯ, № 192, 1650-1690 гг.)
(135) Да на винокурне и на пивоварне продавано в розницу… (ПДПВ, № 79, 1672 г.)

3 Интересна судьба пространственных объектов *кабак* и *стойло*, которые, как показывают памятники, интерпретировались совершенно иначе по сравнению с современным состоянием. Несмотря на то, что они представляли собой закрытые помещения, с момента своей фиксации данные локумы встречались только с предлогом НА. По всей видимости, здесь важную роль играла идея функционального взаимодействия с локумом:

(136) … и он Петръ того вора […] и нне держит у себѧ в Богородицком на кабакѣ… (МДБП, № 92, 1675 г.)
(137) … и он стоит на стоиле с казловъским мерином… (ИРНЯ, № 5, 1694 г.)

4 Постоянные колебания в выборе предлогов затрагивают в первую очередь локумы *огород* (соотношение В и НА ➢ 3 : 5) и *улица* (соотношение В и НА ➢ 9 : 10):

(138а) … в огороде сад яблонеи… (МДБП, № 50, 1628 г.)
(138б) … для чево позда ходиш на огород […] учел меня холопа твоево бит и грабит на том огородѣ… (МДБП, № 27, 1637 г.)
(139а) … продал есми […] двор свои […] на Никитцкои улице в Вознесенком переулке… (МДБП, № 50, 1628 г.)
(139б) … в Кодашевскои слобадѣ в Козмадемянскои улицѣ […] ценили двор… (МДБП, № 26, 1676 г.)

5 В отличие от актовых документов XVII века, локум *город* активно употребляется с предлогом НА (отмечено 8 контекстов), что было невозможно еще в памятниках XVI века:

(140) … и гдѣ тѣ убоицы и на которые городы побежали и не чают ли их что они за рубеж побежали… (ПДПВ, № 131, 1628 г.)

6 Спорадическое употребление нетрадиционного НА встречается у *изба*, *погреб*, *сени*, *слободка*:

(141) … та рухляд лежит на сьѣзжеи избѣ […] била челом великим гсдрем в сьѣзжеи избѣ… (МДБП, № 21, 1688 г.)[30]
(142) … и бьеть батоги и сажает на погреб… (МДБП, № 57, 1659 г.)
(143) … и табѣ б велет их кормит на сенех каторые едять на сенех с ними вместе… (ИРНЯ, № 73, 1660-1690 гг.)
(144) … на тои на Щеняче слободке у Алексѣя Семенова […] на дворе похвалялся… (ПДПВ, № 205, 1698 г.)

С нетрадиционным предлогом В отмечено только *пастбище*:

(145) … наше животинишка в пазбище… (ПДПВ, № 133, 1631 г.)

7 В отличие от документов предшествующих периодов, XVII век изобилует различными названиями городов. Здесь можно отметить следующие особенности:

▪ Не только старые города, как *Астрахань*, *Владимир*, *Киев*, *Нижний Новгород*, *Суздаль*, но и основанные в более позднее время употребляются с предлогом В (*Брянск*, *Симбирск*):

(146) … послол в Астрокан дьяком… (ИРНЯ, № 65, 1660-1690 г.)
(147) … будучи на гсдрвои службе в Киеве… (ИРНЯ, № 14, 166- г.)
(148) … в Нижнем Новѣгородѣ на посаде… (МДБП, № 112, 1680 г.)
(149) … шол я в Суздал на торгъ лошадеи купит… (ПДПВ, № 154, 1653 г.)
(150) … живет у нас во Брѧнске… (ПРНЯ, № 8, 1650-1690 гг.)
(151) … и я в Синбирску в печалех своих жив… (ИРНЯ, № 17, 1670-1695 гг.)

▪ Другие старые города и основанные в более позднее время (*Орел*, *Самара*, *Саратов*), последовательно употребляются с НА:

(152) … бил челом я сирота твои Васка на Коломне… (МДБП, № 67, 1668 г.)
(153) … купил я холоп твои на Туле… (МДБП, № 70, 1670 г.)
(154) … откупили мы на Волоку Ламском таможню… (МДБП, № 85, 1674 г.)
(155) … а род де у него и племя на Вологде есть, а с Вологды он сошел на Колмогоры… (ПРП, 1646 г.)[31]
(156) … изволил бы обо мнѣ прислать совѣтную грамотку на Воронеж… (ПРНЯ, № 134, 1650-1690 гг.)
(157) … и людишка мои на Орле воеводам били челом… (ПРНЯ, № 8, 1650-1690 гг.)
(158) … грамот гсдрвых к тебѣ на Самару и на Саратовъ не прислали… (ИРНЯ, № 12, конец XVII в.)

В этом плане частно-правовой и бытовой материал не отличается от актовых грамот.

▪ Некоторые города спорадически начинают сочетаться с предлогом НА:

(159) … купил ѧ холоп твои на Кошире… (МДБП, № 74, 1671 г.)
(160) … отдал на Кинешмѣ воеводѣ… (МДБП, № 97, 1675 г.)
(161) … и мы гсдрь пошлем на Синбирскъ… (ПРНЯ, № 110, 1650-1690 гг.)

(162) … пожалуи прикожи к нам на Царицын почесту писат… (ИРНЯ, № 15, 1670-1695 гг.)

▪ *Москва* в частной переписке (у одних и тех же лиц) XVII века возможна с предлогом В, хотя подобные случаи еще единичны:

(163а) … де нам быт на Москвѣ к дѣла… (ПДПВ, № 277, XVII в.)
(163б) … чтобы Гаврилу в Москве волокиты не учинил… (ПДПВ, № 280, XVII в.)

▪ Вариативность встречается и у других топонимов:

(164) … *на пустоши* на Галкине сады насилством вытравили […] *на пустош* в Галкине подкидывали… (ПДПВ, № 117, 1622 г.)
(165а) … да на Кочюрах гсдрь вымолотили авса… (ИРНЯ, № 9, 1660-е гг.)
(165б) …сама робота надвая в Пожѣгине и в Кочюрах… (ИРНЯ, № 35, 1660-е гг.)

4.6 Анализ материала: грамоты частно-правового характера и бытовая корреспонденция Новгородской земли

4.6.1 Грамотки на бересте XIV века

Основной материал данного периода составляют прежде всего новгородские грамотки на бересте. Набор локумов крайне ограничен, что определяется, безусловно, сугубо бытовым и фрагментарным содержанием самих текстов.

1 Следующие локумы видятся как вместилища и относятся к контейнерным категориям:

▪ [СТРОЕНИЕ] (церковь):

(166) … то вложи во церкове… (ДНГ, № 414, 1340-1370 гг.)

- [ПОМЕЩЕНИЕ] ((под)клеть):

(167) … а солодъ ржаныи в поткл҃ѣтѣ […] а мѧсо на сѣньникѣ… (ДНГ, № 363, 1380-1400 гг.)

Интересно, что *сенник* как помещение употребляется с предлогом НА. Ср. с *на погребе* (примеры (64) и (142)). Возможно, здесь актуализируется идея контакта с одной из поверхностей локума-вместилища.

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (монастырь):

(168) … и диду молисѧ что бы ихалъ в Июриевъ монастиръ пшенки попрошалъ… (ДНГ, № 354, 1340-1370 гг.)

- [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (город, село, конец):

(169) … еси былъ во своемь сел҃ѣ… (ДНГ, № 195, 1300-1310 гг.)
(170) … велише ми ехате в городо… (ДНГ, № 415, 1340-1350 гг.)
(171) … возми свою полтину у евана у выѧнина во Плотницикомо конци… (ДНГ, № 690, 1380-е гг.)

- [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (остров):

(172) … погибло сено оу Дорофеѧ […] сено в острове и смене… (ДНГ, № 416, втор. пол. XIV в.)

Интересно, что локум *остров* в новгородских документах в основном употребляется с предлогом В (4 случая). По всей видимости, здесь делался акцент на четко обозначенных границах. Только однажды мы сталкиваемся с колебаниями в выборе предлога:

(173) И не вступатися намъ […] ни на Онѣжскихъ островѣхъ […] ни в Заецкои островъ… (ГВНП, № 284, 1375 г.)

2 В категории поверхностного типа входят локумы, которые, с одной стороны, обозначают малые участки поверхности, обустроенные человеком:

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (погост):

(174) А что отцына наша на Кокшенскомъ погостѣ… (ГВНП, № 110, 1393 г.)

С другой стороны, это гетерогенные фрагменты пространства:

- [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (озеро, море):

(175) … и свое сироти в Симовли а на Хвоини… (ДНГ, № 178, 1380-1390 гг.)
(176) … а менѧ послалѣ корѣлѣ на Каѧно море… (ДНГ, № 286, 1310-1360 гг.)

- [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (гумно):

(177) … а на гумни стои коли молотѧть… (ДНГ, № 358, 1310-1360 гг.)

3 В источниках XIV века практически не встречается конкретных реализаций концепта >ГОРОД<. Отмечен только *Торжок* (3 раза) в сочетании с предлогом В, что в принципе не противоречит нашим данным, поскольку здесь, возможно, уже отражена смена предлога. Ср. с примерами (19а/б):

(178) … а в Торжокъ приихавъ… (ДНГ, № 354, 1340-1370 гг.)[32]

4.6.2 Документы XV века

В новгородских грамот(к)ах XV века в контейнерных категориях можно выделить несколько новых локумов:

- [СТРОЕНИЕ] (костер ‘башня’, житница):

(179) … и всадилѣ насъ в костеръ… (ДНГ, 1412 г.)
(180) … молотимо да сыплемо в жы(тницу)… (ДНГ, № 352, 1420-е гг.)

- [ПОМЕЩЕНИЕ] (хором(ы)):

(181) … возилесь быле в ---имовѣ хоромѣ… (ДНГ, № 300, 1420-1440 гг.)

- [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (двор):

(182) … Софонтее во дворь голову оубиле… (ДНГ, № 466, 1410-1440 гг.)

2 К поверхностному типу относятся категории [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (улица):

(183) … огородъ на Боркѣве улице приказываю… (ГВНП, № 144, перв. четв. XV в.),

а также [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (торг):

(184) … а то диялось на погостѣ на торгѣ… (ДНГ, № 154, 1420-е гг.)

Интересно, что в ростово-суздальских документах в этот период при *торг* употреблялся предлог В.

3 Как и в ростово-суздальских документах, к случаям обратной концептуализации можно отнести *городок* ‘крепость’, который употребляется с предлогом НА, хотя и представляет собой огороженное пространство по типу кремля:

(185) … и веглѣ насъ на городо(к) къ Зумбе(рю)… (ДНГ, 1412 г.)

4 Ограниченное количество конкретного материала не дает нам возможности делать серьезных обобщений касательно вариативности предлогов при некоторых локумах. Так, *погост* встретился с обоими предлогами по одному разу. Количество случаев с локумами *село* и *остров* на материале пяти грамот указывает на тенденцию постоянных колебаний в выборе В и НА: при *село* соотношение В и НА ➢ 2 : 3 и при *остров* ➢ 3 : 4.

(186) А не вступатся […] в болшеи дворъ и во околные села в Лодыгино село […] и на Студеньски село… (ГВНП, № 122, XV в.)

(187) А что мнѣ дал дѣдъ мои […] и землю Кулагоранскую на томъ островѣ […] А вы братья моя в тоть островокъ не вступаитеся. (ГВНП, № 144, перв. четв. XV в.)

▪ Интересный случай представляет собой локум *бор*, который употребляется в наших источниках с предлогом НА:

(188) А цто есть на бору колодязь солонои… (ГВНП, № 196, сер. XV в.)

5 В источниках отмечено крайне мало конкретных реализаций концепта >ГОРОД<. Заметим, однако, что *Ругодив* встречается два раза с НА (как и в актовых грамотах XV века), а *Колывань* – с В:

(189) … коли сѣдѣлъ Индрѣкъ на Рѓодивѣ… (ДНГ, 1412 г.)
(190) … вылгалъ оу нихъ в Колыванѣ Иванъ нѣмцинъ… (ДНГ, 1412 г.)

4.7 Общие выводы

Итак, нами проанализированы документы, созданные в XIV – XVII веках на территории Ростово-Суздальской Руси и Новгородской земли.

1 Следующие локумы однозначно осмысляются как вместилища и входят в категории контейнерного типа:
[СТРОЕНИЕ] (изба, дом, церковь, варница, житница, лавка, амбар, тюрьма, кузница, конюшня);
[ПОМЕЩЕНИЕ] (комната, горница, трапеза, клеть, хоромы, поварня, чулан, сени, погреб);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (город, кремль, монастырь, переулок, сад);
[АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (страна и область (Сибирь, Орда, Крым), волость, уезд, город, село, деревня, пригород, починок, стан, губа, повет, слобода, станица, усадище, выть, конец).

2 К поверхностному типу концептуализации можно без сомнения отнести следующие категории:
[ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (дорога, берег, улица, пристань);
[ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (река, озеро, море);
[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (полуостров);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (луг, нива);
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (городок, селище, рынок, ярмарка, посад, площадь; пастбище);
[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (мельница, подворье, овин, гостиный двор, завод, пивоварня, винокурня);
[ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (Украина).

3 Особенностью новгородского материала является локум *костер* ‘башня’, входящий в категорию [СТРОЕНИЕ], и *бор*, сочетающийся с предлогом НА.

4 Там, где доминантные признаки не выделились, происходили постоянные колебания в языковой репрезентации. Так, целый ряд пространственных объектов с достаточно неоднозначной конфигурацией (*лес*, *торг*, *двор*, *погост*, *поле*, *пустошь*, *село*, *огород*, *гумно*, *остров*, *монастырь*, *улица*) представлялся то как некоторая площадка-опора, на которой располагаются различные объекты, с которыми человек вступает во взаимодействие, то как некоторый замкнутый объем или огороженное пространство. При этом внимание могло быть направлено либо на поверхность, либо на границы. В языке это находило свое выражение в регулярных колебаниях в выборе предлогов В и НА.

5 Целесообразно разграничивать постоянную и спорадическую вариативность в употреблении В и НА. Постоянная отмечена у крайне ограниченного набора локумов, спорадическая может встретиться у любого, и предугадать ее не возможно. Постоянная вариативность достаточно константна, в то время как спорадическая вариативность, охватывая все большое количество локумов, возрастает в более поздних памятниках.

На выводы о наличии или отсутствии постоянной вариативности могут влиять ограниченность представленного материала, его фрагментарность не только в географическом, но и в хронологическом плане.

6 Интересна судьба концепта >ГОРОД<, который в анализируемый нами период находился в процессе активного становления. Сам локум *город* до XVII века однозначно виделся как замкнутый сегмент пространства, огороженный стенами кремля, валом и т.д. от остального обживаемого человеком пространства. Однако в XVII веке все чаще нарушаются эти представления: *город* как бы размыкается, начинает представлять собой некую плоскость, на которой размещены различные объекты, с которыми человек вступает во взаимодействие.

У концепта >ГОРОД< можно выделить четыре группы конкретных реализаций. Для первой характерен исключительно предлог В, для второй – только НА. Третья, довольно значительная, группа демонстрирует спорадическую вариативность в выборе предлогов. А у четвертой, характерной для новгородского материала, отмечается постепенная смена предлога: НА уступает место В (*Тверь*, *Торжок*).

Все это свидетельствует в пользу того, что >ГОРОД< в своих конкретных реализациях находился в период XIV – XVII веков в процессе активного формирования. С одной стороны, можно отметить стабилизирующие тенденции: вариативность в употреблении предлогов постепенно сменялась закрепленностью конкретного предлога за определенным названием города. С другой стороны, нельзя не заметить дестабилизирующих процессов, когда возрастала вариативность в употреблении предлогов даже там, где она раньше не имела места.

7 Интересно, что процесс переосмысления некоторых пространственных объектов порой наглядно прослеживается в памятниках. Так, если в ростово-суздальских источниках XIV – XV веков *торг* представляется как некая ограниченая в пространстве данность, в пределы которой можно вступить (отсюда предлог В), то в более поздних документах фокус пере-

носится на поверхность, по которой рассеяны различные объекты (поэтому возможен только НА). Снятие колебаний мы наблюдаем и у локума *Русь* (было В, стало НА), а также в новгородских документах у *Тверь* и *Торжок* (было НА, стало В).

8 Сопоставляя актовые документы с грамотами частно-правового характера и бытовой перепиской, созданными в Ростово-Суздальской Руси, можно отметить следующее:

- набор локумов и вариативность неизмеримо возрастают в документах XVI – XVII веков;
- на протяжении всего анализируемого периода в актовых грамотах встречается большое количество конкретных реализаций концепта >ГОРОД<. Для частно-правового и бытового материала это характерно только в XVII веке;
- в частно-правовых и бытовых документах достаточно полно представлен набор локумов, относящихся к категориям [ПОМЕЩЕНИЕ], [СТРОЕНИЕ] и [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ];
- спорадическая вариативность в выборе предлогов В и НА гораздо выше в частно-правовых грамотах и бытовой переписке;
- однако вариативность не в одинаковой мере затрагивает одни и те же локальные объекты в обеих группах документов. (Так, *торг*, например, в актовых грамотах сочетается с обоими предлогами, а в частно-правовых и бытовых только с НА. *Москва* в актовых документах встречается регулярно с В, а в частной переписке практически никогда.)

9 Если мы сравним пространственную концептуальную систему, представленную в документальной и бытовой письменности XIV – XVII веков, с современной, то увидим, что:

- все без исключения конкретные реализации концепта >ГОРОД< вошли в контейнерный тип;

- в осмыслении локумов *посад*, *городок*, *кабак*, *стойло* произошла смена доминантных признаков (внимание переключено с функционального контакта с поверхностью на границы объема), что привело к переходу в контейнерные категории;
- у концепта >РУСЬ< изменился комплекс ассоциаций (от суверенного государства с четкими границами к некой этнической области без определенных границ), что привело к переходу данного концепта в поверхностную категорию;
- снята вариативность в употреблении предлогов у локумов *лес*, *торг*, *монастырь*, *остров*.

10 Таким образом, на основании анализа помятников документальной и эпистолярной письменности XIV – XVII веков можно сделать вывод о том, что в пространственной концептуальной системе русского языка представленного периода отмечаются три параллельных процесса:

- четкая закрепленность основного массива концептов за определенными категориями;
- переход некоторых концептов из одной категории в другую и из одного концептуального типа в другой;
- регулярные колебания в языковой репрезентации некоторых концептов.

4.8 Летописи

4.8.1 Выбор и ограничение материала

При отборе летописного материала для детального анализа мы руководствовались следующими принципами (см. также раздел 4.2).

- В центре анализа стоят произведения хроникального жанра, созданные в исконно русских областях первичного расселения (Ростово-Суздальская Русь, Новгородская и Псковская земли) и отражающие летописную традицию на протяжении нескольких веков (тексты относятся к одной области, но к разным периодам).